

ГРАНИ

GRANI

Г. М. Шиманов

Записки из Красного дома

79
1971

Postverlagsort: Frankfurt/Main, April 1971

© 1971 Possev-Verlag, V Gorachek K. G.
Frankfurt/Main

Издательство «Посев»

В середине декабря 1968 года пришла почтовая открытка: «Тов. Шиманов! Явитесь в психиатрический диспансер для проверки по адресу...» Я повертел ее в руках, задумался:

«Н-да... в течение шести лет после больницы им. Ганнушкина меня не вспоминали... а тут вдруг вспомнили... Значит, неспроста... Конечно, может быть какая-нибудь ерунда, простая формальность... Но едва ли... По-видимому, готовится какая-то провокация... Что ж, сила на их стороне... Но сам-то я по крайней мере добровольно к ним в рот не полезу...»

Я разорвал открытку и выбросил в унитаз.

А через месяц, когда стала уже забываться повестка, приходит молодая женщина, представляется Ирой из диспансера и любезно расспрашивает меня о моем здоровье. Мягко журит меня:

— Что же вы, Геннадий Михайлович, по открытке к нам не явились? Заставляете меня в такой конец к вам ехать... Да еще и в такой мороз...

А мороз на самом деле свирепый.

Я человек мягкий, совестливый. Почти устыдился от ее слов... Да вовремя спохватился: это она меня в сумасшедший дом заманивает.

— Я считаю себя здоровым, — отвечаю я, — и в визитах к врачу не нуждаюсь.

— Но ведь врачи лучше знают, здоровы ли вы.

Г. М. Шиманов (р. в 1937), публикуемый очерк — из его сборника «Перед смертью» (философские и автобиографические матерьялы), распространяемого Самиздатом («Посев. Спецвыпуск» 4/70). — Ред.

Ну, придите... Ну, что вам стббит? Это же формальность, к нам каждый год приходят отмечаться больные.

— А я — не больной. Таково мнение мое, а также моей жены и людей, которые меня окружают.

Сестра обращается к моей жене:

— Вы как — считаете его здоровым?

— Да, — отвечает Алла, — я, и наши родственники, и знакомые не сомневаются в этом.

Сестра несколько обескуражена, но всё же пытается уговаривать. Получив отказ, уходит ни с чем.

Через месяц-полтора она приходит снова, опять уговаривает и уходит с тем же.

Третий визит состоялся двадцать четвертого апреля. На этот раз сестра сообщает мне, что из КГБ и с моей работы поступили запросы в диспансер в связи с моим неправильным поведением. Врачи, не имея контакта со мною, не знают, что на них ответить. Якобы в некой организации принято уже решение о помещении меня в психиатрическую больницу. Но это еще можно предупредить, если врачебная комиссия приедет ко мне на дом и обследует меня... Согласен ли я на это и буду ли я в определенный день, когда приедут врачи, дома? Я отвечаю:

— Если вы после этого от меня отстанете, то пусть приезжают.

Договариваемся с сестрою на понедельник, двадцать восьмого апреля, на два часа дня. Она уходит.

Вскоре я отправляюсь гулять с моим сыном. Алла в институте и придет не скоро, часов в одиннадцать вечера, — у нее горячие дни, подготовка к защите диплома. А мне приходится заниматься с Кириллом — ему год и два месяца...

Возвращаемся с прогулки — в дверях записка от нашей знакомой: «Генмих! Заходила к вам, не застала дома. Приезжала «скорая помощь», позвонили к вам,

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

сказали, что у Кирилла температура, развернулись и уехали».

Вот оно как... Стало быть, приезжали уже санитары. Сестра сообщила им, что я дома... значит, можно брать... А что было бы с Кириллкой?.. Как бы он отнесся к тому, что чужие люди вошли в дом, скрутили его отца и увезли куда-то?.. Он, вероятно, был бы в ужасе... А куда бы они его дели? Тоже в сумасшедший дом?.. Или в милицию? Или оставили с ним сидеть санитара?.. Представляю, как бы он здесь орал до одиннадцати часов весь день с чужим человеком... Хоть бы уж до прихода Аллы меня не забирали...

Запираю на все замки дверь. Выглядываю в окно: не приехали ли они опять?

А напротив нашего дома площадка, на которой часто стоят то милицейские, то медицинские машины... Недалеко и милиция, и какое-то медицинское учреждение.

Укладываю Кирилла спать. Зажигаю лампаду. Открываю Библию. За окном понемногу темнеет...

В начале одиннадцатого приходит Алла, и я рассказываю ей обо всем, показываю записку. Да... Мало того, что меня забирают в сумасшедший дом, но еще и чертовски не вовремя. У Аллы самая горячка, самая спешка с работой над дипломом. Должен был сидеть с Кириллом я, изредка — больная моя мама. А теперь некому — мама одна не сможет. Придется кого-то просить, а просить некого... нервничать, метаться как раз тогда, когда не хватает времени на диплом... И еще неизвестно, что там будут вытворять над мужем обезумевшие врачи...

Утром прощаемся с Аллой. Я целую моего Генмишонка. Иду на работу, оглядываясь по сторонам, — откуда вынырнут эти башибузуки?.. Прихожу на работу, приступаю к своим обязанностям. Пока все идет нормально...

Работаю я сторожем. Днем открываю и закрываю

ворота, пропускаю машины. Вечером запираю их на замок и хожу по двору вместе с собакой — не залез бы кто на нашу Экспедиционно-складскую базу. Работа неприбыльная, всего шестьдесят пять рублей, но зато есть свободные дни — можно сидеть с сыном.

Часа этак в два после полудня разворачивается возле наших ворот «Волга», из нее вылезают двое — начальник особого отдела при Министерстве геологии СССР тов. Балинский М. И. и один из его подчиненных. И того и другого я знаю в лицо — я ведь всего лишь неделю как перестал в министерстве работать (я работал на двух работах: здесь и там). Оба проходят мимо меня, не здороваясь. Поднимаются на второй этаж, в контору.

«Ну, думаю, начинается...»

Однако через час оба уезжают, так меня и не тронув. Вроде бы пронесло... Через некоторое время звонит Алла:

— Ну, как ты? Жив еще, Генмих?..

— Пока живой! — отвечаю я.

Но через пятнадцать минут опять приезжает проклятая «Волга» и опять проходят эти люди к директору. Вскоре просят и меня подняться к нему. В кабинете нас четверо: директор ЭСБ тов. Чередниченко Иван Иосифович, шофер Петухов Анатолий (он же председатель месткома), мой непосредственный начальник Ильенко Василий Маркович и я. Те двое из особого отдела, по-видимому, спрятались где-то в соседнем кабинете. Обычно добродушный Иван Иосифович на этот раз смотрит на меня грозно:

— Что же вы, товарищ Шиманов? Мы вас считаем здесь дисциплинированным хорошим работником, а вы — безобразничаете?

— Что вы имеете в виду, Иван Иосифович?

— Почему вы не являетесь в диспансер? К нам поступили на вас жалобы... Что за причина? Почему вы уклоняетесь?

119

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

— Я не считаю себя больным, Иван Иосифович, и в беседах с врачами не нуждаюсь. Если же они сами нуждаются во мне, то пусть и приезжают ко мне на дом, а у меня нет времени разъезжать по чужим делам. Кстати, у меня уже была медсестра, и мы договорились с нею, что врачебная комиссия приедет ко мне на дом в понедельник.

— Но неужели вам так трудно было зайти по вызову самому? Почему я, когда меня вызывают куда-нибудь, в том числе и в поликлинику, не добиваюсь того, что на меня жалуются начальству, а трачу десять минут — и весь разговор?..

— У вас другой случай, Иван Иосифович. Ведь меня хотят насильно положить в больницу, несмотря на то, что я здоров.

— Чепуха! Неправда! Я вам ручаюсь: с вами поговорят врачи, осмотрят вас — это займет не больше десяти минут — и отпустят... Вот я даю машину, с вами поедут Ильенко и Петухов, и они же вас привезут обратно — будете продолжать дежурство...

А вдруг на самом деле меня не положат в сумасшедший дом? Едва ли... Но если уж они приняли решение, то рано или поздно — всё равно схватят. Пусть уж лучше берут сейчас, на работе, на виду у всех, при свидетелях, что меня, здорового, отвозят в психдиспансер...

— Хорошо, — говорю, — едем.

Мы выходим из конторы, садимся в «рафик», едем по людным улицам Москвы. Конец рабочего дня. Вот Лермонтовская, Садовое кольцо, Ленинградское шоссе, Хорошевка.

— Слушай, что там случилось у тебя? Я ничего не понял... — спрашивает Петухов.

— Да это слишком длинная история, — отвечаю.
— В двух словах не расскажешь. В общем-то с КГБ связано... Там меня не особенно любят...

— А что же ты — шпион, что ли? Что-то я ничего не понимаю...

— А ты сам рассуди: если бы за мною было какое преступление, меня бы не везли в диспансер, меня бы арестовали. А так — арестовать не за что, а попугать меня хочется... Вот и везут в психдиспансер.

— А разве тебя в психдиспансер?..

— А он тебе что, не сказал, что ли?

В кабинете главврача в диспансере на Хорошевском шоссе меня сразу же обступили врачи (спутники мои остались в коридоре).

— Товарищ Шиманов, почему упорно отказываешься являться на наши вызовы?

— Я не считаю себя больным.

— Но вы обязаны являться! Вы что, думаете — вы один у нас такой? Если к каждому врачи будут на домходить, им работать некогда будет!

— А меня это не касается. Я уже объяснил вам, что в контактах с врачами не нуждаюсь. А закона, обязывающего меня являться к вам, — тоже нет. Так что если вы уверены в своей правоте, присылайте просто своих санитаров, присылайте милицию — пусть вяжут меня и везут в сумасшедший дом. Сам я к вам ходить не намерен.

— Ну, это глупо, глупо... — начинается обычное препирательство.

— Вот вы говорите, что вы здоровый... А между тем к нам поступают на вас запросы из КГБ... Оказывается, вы неправильно себя ведете... Что вы на это скажете?

— Я могу только сказать, что к советской власти отношусь лояльно и что никаких преступных акций за мною нет. Если бы они были, то КГБ давно бы арестовал меня.

— Но ведь запросы на вас тем не менее поступают... Значит, должна быть какая-то причина, заставляющая их обращаться к нам?..

— Вот и скажите мне конкретно, что это за причина. Тогда будем говорить по существу.

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

— Они нам конкретно ничего не говорят.

— Ну и я не знаю. А почему бы вам не поинтересоваться у них? Ведь это так естественно...

— Мы это еще успеем... Ну а все-таки: что-нибудьто за вами есть?.. В демонстрациях, может, участвовали?..

— Нет, не участвовал.

— А листовки?

— Тоже нет.

— Да... Ну, ладно. Потом разберемся... А вы верующий?

— Да, я верю в Бога.

— Так... А какую вы веру признаете? Или у вас какая-нибудь собственная?

— Я — православный христианин.

— И в чем же ваша вера, так сказать, проявляется?

— Яхожу в церковь, причащаюсь, молюсь, соблюдаю посты.

— Вероятно, много читаете религиозной литературы?

— Не особенно много, но читаю.

— И у вас есть какие-нибудь собственные теории?

— Нет, собственных теорий не имею. Я полностью принимаю вероучение нашей Церкви.

— Но какие-то свои представления о Боге у вас есть же?

— Есть, разумеется... Но они полностью совпадают с представлениями Церкви.

Входят санитары.

— Вы что, кладете меня в больницу?

— Да, ненадолго, всего на несколько дней. Нам надо что-то ответить КГБ, а мы не можем, так как совершенно не знаем, здоровы ли вы... Не думайте, пожалуйста, что мы против вас вместе с КГБ... Наоборот, наша обязанность — помогать своим больным и защищать их.

— Но я протестую против незаконного помещения меня в сумасшедший дом!

Санитары крепко берут меня под руки и выводят на улицу. «Рафика» с моими бывшими провожатыми уже нет. Меня запихивают в «чумовоз», — там уже сидят трое шизиков, я — четвертый, пятым залезает санитар. Другой санитар снаружи запирает дверцу машины, садится в кабину, и «чумовоз» трогается.

В приемной больницы им. Кащенко — унылое получасовое ожидание. Я сижу на кожаном диване. Чувствую, что чего-то не хватает... Но чего? Не пойму... А-а! Нет портретов вождей и плакатов с лозунгами. Ясно! Нужна спокойная обстановка... А вот и моя очередь — вхожу в кабинет врача. Усталая женщина в белом халате задает мне всё те же, что и в диспансере, вопросы, а я почти в тех же выражениях, что и раньше, на них отвечаю.

— Ладно, потом разберемся, — говорит врач, и меня проводят в смежную комнату, где приказывают раздеться и снимают, несмотря на мои протесты, с меня крест. Врач выслушивает меня, осматривает кожу; и вот я сижу уже в грязной, почти не обмытой после предыдущего больного ванне. Намыливаюсь, санитарка поливает меня из душевой трубки. Надеваю больничное белье. Всё!.. Вот теперь я уже настоящий сумасшедший.

Снова в сопровождении санитара сажусь в «чумовоз».

- Куда меня направляют? — спрашиваю я его.
- В четвертое отделение.
- А это как — буйное или легкое?
- Не то, чтобы очень буйное... но и не легкое... так... среднее... полубуйное... А за что это тебя взяли?
- За религию.
- Ну, неправда. За религию не сажают. За политику — это другое дело. А за религию... Нет, ты что-то напутал...

«Чумовоз» подъезжает к двухэтажному красному дому. Расположены в нем первые четыре отделения больницы. Поднимаемся на второй этаж, гремят ключи,

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

отпираются двери. Народу в отделении много, но все-таки меньше, чем в свое время в полубуйном отделении больницы им. Ганнушкина. И воздух гораздо чище. Получаю койку в «веселой» половине отделения. С меня снимают очки. Хочу есть, но ужин уже кончился, надо будет обождать до утра. Подходят больные, интересуются: кто я? откуда? Но у меня совсем нет настроения разговаривать. Отделяюсь односложными ответами, разбираю постель, ложусь, накрываюсь с головой одеялом — утро вечера мудренее...

Господи Боже наш! Еже согреших во дни сем — словом, делом и помышлением, — яко благ и Человеколюбец, прости ми... Мирен сон и безмятежен даруй ми, Ангела Твоего Хранителя посли, покрывающа и соблюдающа мя от всякого зла... яко Ты еси хранитель душам и телесем нашим и Тебе славу воссылаю, Отцу и Сыну и Святому Духу во веки веков... Помилуй нас, Боже, с Аллой и Кириллом, с мамой и всеми родственниками нашими, с духовным моим отцом и всеми братьями моими по вере, всех христиан и всех ищущих Тебя и еще не нашедших... И всех врагов наших помилуй... Аминь...

Утром с меня сдергивает одеяло санитар:

— Умываться!..

Читаю утреннюю молитву, иду в ванную, там на меня нападает какой-то больной, но другие оттирают его от меня:

— Ты что, по шее захотел?..

Тот, с ненавистью глядя на меня, отходит. А в уборной подходит ко мне человек с вдохновенным лицом:

— Вы знаете поэта Владимира Волгина?

— Нет, не знаю.

— Это — гениальный поэт, его знает вся страна.

— Может быть... Я последние годы мало интересуюсь поэзией...

— Хотите, я прочитаю вам стихи? Волгин — это я! Выслушав несколько стихотворений и похвалив их,

я пытаюсь ускользнуть, но отделаться от графомана не так-то просто. Время от времени он подъезжает ко мне со всё новыми стихами и даже списывает их специально для меня, — и дарит с автографом.

— Берегите их, Гена... Со временем это будет большая ценность.

Через некоторое время он спрашивает меня:

— Гена, а я похож на грузина?

— Да как вам сказать...

— Правда, у меня глаза и нос грузинские?

— Пожалуй...

— Я вам открою страшную тайну, Гена... Я — сын Сталина... Владимир Александрович Сталин... Моя мать — артистка Киевской оперы... Вы понимаете?.. Когда снова переименуют Волгоград в Стalingрад, тогда и я откроюсь... А пока — тсс!..

— Эй, Сыров, иди на уколы! — кричит моему собеседнику медсестра, и тот с важным видом отправляется в процедурную.

— Тебе тоже уколы, — подходит ко мне санитар, и я понуро плетусь за Сыровым. Стою в кабинете, жду своей очереди.

— А ты зачем пришел? — спрашивает сестра.

— На уколы, — отвечает за меня санитар.

— Так ему же врач еще ничего не назначил...

— Ну, иди назад, — говорит санитар. — Придет врач, тогда и лечить будем...

Сижу на койке, дожидаясь завтрака. Молоденький круглолицый паренек подходит, заговаривает со мною:

— За что тебя?

— За религию.

— А разве за религию сажают?

— Как видишь.

— А ты что же, в Бога веришь?

— Да.

— И крест носишь?

— Да.

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

— Здесь тоже у одного крест отобрали... А Бог есть?

— Есть.

— Правда, есть?

— Правда.

— А ты не врешь?

— Нет.

— Честное слово — есть?

— Честное слово.

— А почему же никто не верит?

— В Библии сказано, что в последние времена многие отойдут от веры. Но многие веруют и сейчас.

— Моя мать верует.

— Вот видишь.

— А я не верю.

— Ты молодой еще... жизни не знаешь как следует... А узнаешь — может быть, тоже будешь веровать.

— А я красивый?

— ?!. Да... Ты симпатичный парень.

— Все меня любят — и мать, и отец, и сестры, и на работе... вот только сюда попал — отца избил...

— Как же так?

— А чего он мать бьет?! Голова болит... Пойду полежу маленько...

Я тоже растягиваюсь на койке. Как-то там сейчас мои? Кирилл просыпается в семь часов, Алла сейчас его одевает, варит кашу, кормит... Обычно я прихожу в девять часов утра, а на этот раз не приду... Алла догадается, что меня взяли.

На завтрак — картошка с «изюмом», как шутят су-
масшедшие (ее чистят в картофелечистке, которая сдирает кожуру, но оставляет глазки. Так ее и варят, так и подают на стол — вычищайте сами), большой кусок селедки, чашка кофе с молоком, кусочек масла и девять кусков сахара. Сахар надо разделить пополам, половину — в кофе, половину — в карман, на ужин. Масло в кар-

ман не положишь, лопай сразу. В общем, не так уж плохо, только грязно очень: больные неряшливы, а сестрам подтирать за каждым лень, девяносто ведь человек с лишним. Да и не в ресторане ведь, чего привередничать... Неприятно только, когда кто-нибудь чихнет вам в тарелку — гриппозных здесь много, приходится вставать из-за стола раньше времени. Но это я уже забежал вперед, возвращаюсь к первому дню.

— Шиманов, к врачу! — меня вводят в кабинет. За столом сидит круглолицый человек — заведующий четвертым отделением Герман Леонидович Шафран. После первых несущественных вопросов:

— Геннадий Михайлович, как объясняете вы себе, что оказались в больнице?

— Я попал сюда по инициативе КГБ.

— Почему вы так думаете?

— А от меня этого не скрывали в диспансере.

— Ну а что же было причиной? Демонстрации?.. Листовки?..

— Нет, я политикой не занимаюсь, к советской власти отнощусь лояльно.

— Ну а что же в таком случае?

— Я бы сам хотел это знать.

— У вас были когда-нибудь столкновения с КГБ?

— В 1967 году меня вызывали на допрос в качестве свидетеля по делу Буковского*) и Добровольского**).

---

*) Владимир Константинович Буковский, р. в 1942 г., прозаик, один из организаторов и участников молодежной группы «Феникс» и одноименного журнала («Феникс 1961», см. «Границы» № 52, 1962). Подвергался трижды арестам: в 1962, 1965 и 1967. В последний раз — за участие в демонстрации в защиту Ю. Галанского, А. Гинзбурга, А. Добровольского и В. Лашковой и против введения ст. 190¹ УК РСФСР. В феврале 67 г. был судим и приговорен к трем годам лагерей. Вышел на свободу в январе 1970 г. Снова арестован. 2. 4. 71. Подробные сведения см. «Границы» 65, 1967; «Посев» 8/1970, 3, 4/1971.

**) См. стр. 113.

118

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

- А кто эти люди? Ваши друзья?
- Нет, просто шапочное знакомство. Но у них в записных книжках, по-видимому, обнаружили номер моего телефона.
- Ну и что же произошло на допросе?
- Следователь кричал на меня, ругался матом, давил всячески, чтобы я рассказывал не только про обвиняемых, но и о других своих знакомых. Так что я был вынужден заявить протест... А потом меня выгнали с работы.
- А где вы работали?
- В Военно-инженерной академии имени Куйбышева.
- Кем?
- Сначала стрелком ВОХР, потом старшим стрелком, начальником караула и, наконец, заместителем начальника команды.
- С обязанностями, значит, справлялись успешно?
- Да.
- С людьми тоже ладили?
- Да, у меня были хорошие отношения.
- А в общественной работе участвовали?
- Я несколько лет подряд был профоргом. Редактировал стенгазету. Был «ударником коммунистического труда».
- Но о том, что вы верующий, там не знали?
- Разумеется, я им об этом не говорил.

**) Алексей Добровольский, р. в 1938 г., автор статьи «Взаимоотношение знания и веры», опубликованной в журнале «Феникс 66» (см. «Гранит» № 64, 1967). Впервые был осужден в 1957 г. на шесть лет лагерей, вторично — в 1964 (отбывал срок в «психобольнице»), в третий раз — в январе 1967, вместе с Ю. Галанковым (редактором «Феникса 66»), А. Гинзбургом (составителем «Белой книги по делу Синявского и Даниэля») и В. Лашковой. Был приговорен к двум годам лагерей. Ныне — на свободе. — Ред.

— Ну а почему же вас выгнали?

— Была команда сверху... Вызвали меня в строевой отдел и так прямо и сказали: «извини, дескать, мы в этом не виноваты... человек ты хороший, но ничего не можем поделать. Тебе надо уходить... сопротивляться глупо — военная ведь организация...» Заставили, короче, подать заявление об уходе по собственному желанию.

— Ну, это они еще благородно с вами поступили. Ну, ладно... А почему вы отказывались явиться в диспансер?

— Во-первых, я считаю себя здоровым и в контактах с врачами не нуждаюсь, это — удовольствие небольшое. Если ж они нуждаются во мне, то пусть сами ко мне и приходят.

— Что ж, логично.

— А во-вторых, я, зная о связях КГБ с психдиспансером, мог предполагать любую провокацию.

— Какую например?

— Например я прихожу в диспансер, меня там хватают и увозят в сумасшедший дом, а потом уверяют меня и моих родных, что со мною случился припадок, я буйствовал, галлюцинировал, но не помню этого по понятным причинам.

— Так, ясно. А теперь скажите мне вот что: у вас ведь много, вероятно, знакомых?

— Да, пожалуй.

— И вы часто встречаетесь, разговариваете?

— Ну естественно.

— О чём же?

— Да обо всем. Легче сказать, о чём мы *не* разговариваем.

— И бывают разговоры на острые темы?

— Мы стараемся по возможности политики не касатьсяся.

— Я хочу, чтоб вы поняли меня правильно. Я — не следователь, и наша беседа — не допрос. Просто нам не-

119

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

обходимо выяснить, что же явилось причиной помещения вас в больницу. Я еще буду звонить в КГБ, узнавать, в чем они вас обвиняют... Но предварительно я должен знать с ваших слов, что могло оказаться поводом или причиной... Вы уже сказали, что относитесь к советской власти лояльно... и я думаю, сказали это искренне... Но советская власть, социалистический строй, конституция СССР — это одно, а те или иные действия властей или каких-либо организаций — другое... Последние могут и ошибаться, как это мы знаем из истории... Верно?..

— Да, конечно.

— Вот в эту сторону я и клоню... Как вы думаете, не мог ли кто из ваших знакомых... которых у вас слишком много... превратно истолковать какие-либо ваши слова?

— Видите ли, люди сплошь и рядом неадекватно понимают друг друга... Но я-то отвечаю лишь за то, что говорю сам, а не за то, как вздумалось истолковать мои слова кому-то еще. Вы сами знаете, как китайцы толкуют марксизм... Неужели, по-вашему, Маркс должен отвечать за то, что сейчас происходит в Китае?

— Разумеется, я с вами согласен... Но эта гипотеза объясняет причину вашего помещенья сюда. В КГБ, вероятно, стало известно что-либо из ваших слов, должно истолкованных: вас там уже немножко знают и, вероятно, не очень любят. Был сделан запрос в диспансер, а в диспансере с излишней поспешностью отреагировали, поместив вас сюда на праздники...

— Я с вами не согласен. Излишней поспешности не было. Наоборот, начало этой истории относится к середине декабря прошлого года, когда мне впервые пришла открытка из психдиспансера. И всё это время КГБ давил на диспансер, требуя принятия каких-то мер, пока, наконец, меня не забрали сюда. Об этом мне открыто сказали в диспансере. Они, правда, говорили еще о каком-то письме-запросе, присланном якобы с работы, но

я не сомневаюсь в том, что запрос был инспирирован тоже КГБ.

— А почему вы в этом уверены?

— А потому, что мне стало известно содержание этого запроса.

— Какое же?

— Примерно такое: товарищ Шиманов является исполнительным, дисциплинированным работником, но водятся за ним некоторые странности: слишком ревниво относится к своей бороде — не хочет сбивать ее, а также несколько замкнут и мало участвует в общественной жизни... Интересуемся: можно ли его допускать к службе с оружием...

Вы понимаете сами, что вряд ли кому придет в голову посыпать запрос в психиатрический диспансер на человека только из-за того, что он носит бороду, несколько замкнут и мало участвует в общественной жизни. Но КГБ инспирировать подобный запрос, конечно, может, и это для него даже весьма характерно.

— Ну что ж... На сегодня, пожалуй, хватит. Я все-таки думаю, что особенных неприятностей для вас всё же не будет... В следующий раз мы поговорим обо всем более подробно. В частности, мне надо будет заполнить с ваших слов историю вашей болезни. Пожалуйста, не подумайте, что мы вместе с КГБ собираемся здесь как-то давить на вас... Вы для нас — человек прежде всего больной, которому надо как-то помочь. Именно этим и будут определяться наши поступки.

— Я могу лишь повторить, что не считаю себя больным и протестую против незаконного помещения меня в сумасшедший дом.

— Что касается вашего мнения о себе, то я, разумеется, учитываю его, хотя и не разделяю. А побывать в больнице вам всё-таки придется... Впрочем, совсем недолго. После праздников мы сразу же выпишем вас отсюда. Я даже могу сказать, какого числа... Это будет четвертого мая. Можете в этом не сомневаться. В ле-

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

чении вы, как я думаю, не нуждаетесь, ведете себя правильно, мыслите логично. Так что уж потерпите здесь до четвертого... Завтра освободится койка — вас переведут с беспокойной половины в самую спокойную палату, там лежат только те, кто готовится к выписке...

— Скажите, пожалуйста, а здесь есть хоть какая-нибудь библиотечка? Без книг здесь совсем тошно.

— Библиотеки у нас нет, но ваша жена может привести вам какую-нибудь книгу. Только одно условие: книга не должна быть религиозной. Что-нибудь почитайте из классики.

На этом закончилась наша первая беседа.

На следующий день — свиданье.

Вся комната заполнена до отказа больными и их родственниками. Вынимаются продукты, распечатываются банки. Больные поглощены едой, их родственники со скрытой печалью наблюдают за ними. Разговаривают далеко не все, — слишком многим нечего сказать друг другу... Но всё-таки шумно: разворачиваются свертки, снова заворачиваются, работают челюсти, сестры кричат через всю комнату, некоторые больные взволнованно убеждают в чем-то своих родных.

Ко мне пришли Алла и мама, и еще одна девушка. Пропускают лишь по одному человеку, приходится им по очереди подходить ко мне. Я рассказываю о том, как меня брали и какая здесь жизнь, а они мне — свои соображения обо всем этом... Время летит слишком быстро — свиданье окончено, и нас, сумасшедших, опять загоняют на свою территорию.

Больничная жизнь продолжается. Меня переводят в палату, где лежат относительно спокойные. Днем можно поиграть в домино, кое-кто сражается в шашки, — других развлечений нет. Я же читаю Тацита и не могу надивиться сходству теперешней жизни с жизнью старинной... Вечером телевизор — раздражающаяпустота программы, как будто нас кормят мякиной. Пос-

мотришь—посмотришь да плюнешь. И — к сумасшедшим, всё интереснее: живые ведь всё-таки люди... Вот откуда-то из другого отделения принесли гитару, потрогал ее какой-то пузатый дурак, а затем она зазвенела. И — где санитары?.. Где сумасшедший дом?.. Всё отшло, отступило перед чудом обыкновенной песни, только выпетой из-под самого сердца.

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна как ангел небесный,
Как демон коварна и зла.

Хотелось подойти к этому пузану и поцеловать руку за песню... Вот тебе и дурак. Голос у Пузана сильный и слух замечательный, но дело не в этом... Есть в его пении — поет ли он о грузинке Тамаре или о Хаз-Булате — какой-то проникающий в душу и щемящий экзистанс русского барачного человека... Никакой талант не объяснишь словами. Это надо увидеть, услышать. Да... Мы, сумасшедшие, санитарки, сестры собирались вокруг Пузана и в эти минуты жили самой полноценной и удивительной жизнью. А потом, через пару вечеров, порвалась струна, затем другая, гитару унесли, а еще через несколько дней выписался и сам Пузан. Но я опять забежал вперед.

На следующий день после свиданья — новая беседа с врачом. Сначала Герман Леонидович расспрашивал меня о моем детстве, о юности, о моем обращении к Богу, о пребывании в больнице им. Ганнушкина и последующей жизни. Я ничего не скрываю — какой

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

смысл скрывать? Вся действительность за меня. А Герман Леонидович записывает с моих слов на казенных листах бумаги. Но что там пишет, на чем делает акцент, мне неизвестно... Затем, закончив с историей моей жизни, он переходит к другой теме, причем предупреждает меня:

— В этой второй части нашей беседы, возможно, будет и кое-что не особенно приятное для вас... Вот вы мне рассказали сейчас, как пришли к религии и стали затем православным. Ну а из чего складывается ваша теперешняя жизнь?

— Ну, прежде всего, я работаю. Причем до последнего времени на двух работах... на шестьдесят пять рублей трудно, имея ребенка. Сами понимаете, домашних хлопот хватает. Ну, хожу в церковь, конечно... молюсь, исповедуюсь, причащаюсь... Когда пост — пощусь... это очень полезно. Вот примерно из этого и состоит моя жизнь.

— Кажется, вы говорили, что друзей у вас много?

— Да, на одиночество не жалуюсь...

— И пользуетесь, вероятно, у них авторитетом?

— Не знаю, я не спрашивал.

— Вот жена ваша говорит, что к вам даже за советами ходят.

— Это она неловко выразилась. Обыкновенное у нас общение... Что знаю — не держу в тайне, а чего не знаю — спрашиваю сам.

— И к вам знакомые только ходят, или незнакомые тоже?

— Бывают и незнакомые, а потом становятся знакомыми.

— И вы со всеми говорите о Боге? Я имею в виду — и с верующими, и с неверующими?

— Когда как... у меня жестких правил нет.

— Но вы, как верующий, конечно, стремитесь привлечь к религии неверующих?

— Да, конечно.

— Ну так вот, Гена... Мы с вами как раз и подошли к существу нашего разговора. Видите ли... то, чем вы занимаетесь, называется религиозной агитацией. У нас существует, конечно, свобода совести и свобода отправления религиозных потребностей. Но свободы агитировать в пользу религии — у нас нет. Подобная деятельность пресекается по закону...

— Всё, что я делаю, Герман Леонидович, находится полностью в рамках закона. Дело в том, что слова «религиозная агитация» можно понимать по-разному... Уже сам факт наличия веры у кого-нибудь можно истолковать как агитацию. Ношение креста — тоже... Всякое исповедание веры тоже нарушает покой атеистического существования, пробуждает мысль и тем самым агитирует в пользу Бога. А если учесть, что у верующего человека все его слова и поступки должны определяться в конечном итоге религией, то получится, что ему и слова нельзя сказать, чтобы тем самым не агитировать. Если бы у нас запрещалась религиозная агитация именно в этом широком смысле, то мы неизбежно пришли бы к попранию принципа свободы совести, что для социалистического государства совершенно недопустимо. Поэтому, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, Законодатель берет слова «религиозная агитация» не в широком, а в узком смысле, подразумевая под ними совершенно определенные действия. Но вот именно этих-то действий за мною и нет... Что же касается разговоров о религии за чашкой чая, то ни в одном своде законов вы не найдете их запрещения.

— Я согласен... может быть, вы и не выходите за рамки закона. Но какое это имеет значение? Ведь фактически выносите вред существующему режиму, возвращая заблудших овец в Церковь... А режим этот, как вы знаете сами, Гена, довольно жёсток... и он не потерпит подобной деятельности. Вот вы говорите про законы... Да ведь неужели вы не понимаете, что Комитету Государственной Безопасности все законы до...! Я

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

смотрю на вас — и мне вас жалко, Гена... Потому что вас обязательно раздавят... И слишком малым для вас утешением будет то, что вы — не единственный. Не подумайте, что я пугаю вас... Мое дело — сторона. Понимаете меня? Но я немножко знаю жизнь... сам пять лет работал на Колыме... медицинским экспертом... И мне жаль, что вы готовите сами себе мученический венец... На этот раз, я думаю, вы отсюда выберетесь благополучно... Но в дальнейшем... и, может быть, очень скоро... гораздо раньше, чем вы предполагаете... вы окажетесь здесь опять... Но уже навсегда и — на принудительном лечении.

— Но принудительное лечение допускается только по суду...

— Ну и что ж?.. Устроят закрытый суд... и что вы там докажете? Тем более — вы, человек с таким диагнозом...

— Но ведь не навсегда же меня упекут в сумасшедший дом... В Ленинграде, я слышал, есть медицинская тюрьма — там до двух лет, а в Казани — до пяти...

— Вас кто-то ввел в заблуждение... Дело в том, что суд не назначает срока... Через каждые шесть месяцев вас будет осматривать медицинская комиссия, соответственно подобранныя... понимаете меня? И если она не найдет, что ваше состояние улучшилось, то будет оставлять вас для дальнейшего лечения. И так до бесконечности... или, вернее, до тех пор, пока вы не будете уже представлять никакой опасности для общества... Ну, а поскольку вы — человек принципиальный и едва ли откажетесь от религии... то... понимаете сами...

— Н-да...

— Видите ли, Гена... как я сказал уже, мое дело сторона... Я не спрашиваю у вас, как вы намерены жить дальше. Это дело ваше. Но вам надо подумать. Мало того, что вы собственными руками возлагаете на себя мученический венец... вы разрушите жизнь семьи... И ради чего? Сделать-то вам всё равно ничего не дадут.

В этом не сомневайтесь... Ведь перед вами — чудовищная сила. Вас раздавят и не заметят, что раздавили. Нет, мне вас жалко... очень жалко, Гена...

— Ну что ж... Я самовольно на себя мученического венца не надеваю... но и отказываться от него не имею права...

— Нет, вы хотите стать мучеником... хотите...

Пауза.

— А почему бы вам, основательно всё взвесив, не выбрать путь, на котором можно сохранить и свою жизнь, и свободу, и благополучие семьи?.. Более того — сохранить ядро своей веры? Ведь вам нужно только отсечь от себя по существу второстепенное, что может только погубить вас, не принеся никому ни малейшей пользы... Ведь имейте в виду, что силы слишком неравные, а в этом случае всякая борьба будет означать лишь самоубийство. А религия как относится к самоубийству? Отрицательно?.. Вот-вот... А впрочем, дело ваше... я не хочу влиять на ваше решение... Хотите погубить жизнь — губите... Но если хотите спасти ее, не отказываясь при этом от своих принципов и сохранив чистоту совести, то я сказал уже, как надо будет построить вам свою жизнь...

Пауза.

— У меня есть один знакомый священник — сосед мой, в одном подъезде живем. Между прочим, довольно значительный человек в Московской патриархии... Образованнейший человек, умница. Ну, ему доверяют, конечно... За границу ездит, в делегациях там всяких... Так знаете, что он мне однажды сказал? «Религия, — говорит, — это одно... а жизнь — совсем другое... и не надо их путать!..» Умница, умница!.. Я могу вас с ним познакомить. Может быть, у вас будут какие сомнения из-за того, что я вам сказал... Он обладает достаточной властью, чтобы разрешить вам то, на что вы не можете решиться сами... Не хотите?.. Предпочитаете, значит, венец?..

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

Я сижу внешне спокойно, но внутренне съеживаюсь. Перспективка-то у меня не ахти... А как хороша спокойная жизнь! Спокойно работать, спокойно приходить домой, не вздрагивать при каждом звонке... Никто к тебе не привязывается, никакие психиатры... Не ходят сестры по соседям, не спрашивают: «Как этот бородач?.. ничего за ним не заметили?.. кто к нему ходит?..» Воспитывать сына, не тревожась за его судьбу, покупать ему интересные книжки, водить в зоопарк, в концертный зал... А вечером приходят друзья... Спокойно разговариваем, смеемся... Если верующие, то можно говорить и о Боге, а если неверующие, то мало ли о чем?.. Но вот из неверующих кто-нибудь спросит меня:

— Геннадий Михайлович, вот вы верите в Бога... Я с уважением отношусь к религии и хотел бы поверить тоже... но не могу! Слишком много творится зла на белом свете... Как же благой и всесильный Бог допускает это?..

Что мне ответить?.. Объяснить, что наличие зла, причем именно космического, не только не подрывает христианской религии, но, наоборот, именно к ней-то как раз и приводит?.. Но этим самым я могу качнуть человека в сторону веры. Не годится. Могут узнать. Что же ответить?.. Сказать правду?.. Например, так:

— Видите ли... вообще-то я могу рассеять ваше недоумение. Но врачи запрещают мне убеждать неверующих...

Неловко будет, конечно... Но чего не вытерпишь ради спокойной жизни? Ведь главное — сохранить ядро своей веры. Всё это правильно. Но... так говорить будет тоже нельзя. Узнают в КГБ, обидятся на меня — вроде бы я на врачей жалуюсь... Нет, надо будет что-нибудь этак потоньше... чтобы и против своей совести не покривить, и отбить всю охоту у любопытных к расспросам... Скажем, так: он мне про зло — дескать, несовместимо оно с существованием Бога... а я будто

не слышу, будто не слышу... а сам ему про погоду, скажем, или про Пушкина: какой поэт был!.. гений, гений!.. какую жизнь прожил — сложную, удивительную, глубокую!.. изведал и сладость, и горечь жизни, начал с вольтерьянства, а пришел к религии, умер христианином! Гм, гм... опять религия... О чем ни начни разговаривать, уж если ты верующий, то любая дорога все равно приведет тебя к Богу... «Вот она — мания!.. Вот он — бред-то религиозный!..» — скажут врачи. Да... невежды они, это правда... но зато у них сила... и энергичное руководство... Нет, уж лучше просто вытолкать собеседника в шею:

— Уходи, гад, не тревожь ты мою душу! Мне ядро своей веры хранить надо!

... — Вы думаете, вы единственный такой? — доносится до меня голос Германа Леонидовича. — Как бы не так... Знаете, может быть, такого режиссера — Галича?

— Слышал.

— Так вот у этого Галича есть хобби: он сочиняет песенки и поет их под гитару. Скажу я вам, есть песенки довольно острые... приятно послушать. Да... популярность его, пожалуй, несколько превосходит вашу... Ну, вызывают его, естественно, в КГБ... вежливо так, деликатно... Чашечку чая предлагают... и, помешивая чай ложечкой, говорят: «Товарищ Галич... мы слышали ваши песенки... И знаете?.. ничего против них не имеем... Пойте их, как и прежде... если уж вам так хочется петь. Но только одна просьба: не надо их записывать на магнитофон... а то могут быть всякие неприятности...» И что бы вы думали? Поет по-прежнему Галич! Но только, когда приходит к знакомым и собирается петь, предупреждает: «Выключите, пожалуйста, магнитофон... ну его к лещему... Выключите, а то не буду петь...» Каково? А? Ну, ладно... Я тут с вами болтался, а у меня ведь дел невпроворот...

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

Герман Леонидович отпирает дверь, выпуская меня из кабинета. Я говорю ему:

— Герман Леонидович... а бес-то лукав...

Шафран вскидывает на меня глаза, мгновение смотрит, а потом начинает хохотать, несколько запрокинув голову:

— Это я-то — бес?!

— Да нет, что вы... я не про вас... я про настоящего...

Возвращаюсь в палату, еще не закончился мертвый час... Плюхаюсь на свою койку. Спящих почти никого, но в палате тихо; лишь в углу у окна мой сосед все смеется, не может никак успокоиться. На него уже никто не обращает внимания, все привыкли к его почти постоянному смеху, — центры у него какие-то там в мозгу пошаливают. Скучно... Но вот раздается бас:

— Скучно, братцы, что-то... Анекдот бы загнул кто...

— Анекдот? Это можно... Слушайте: вот поехал Василий Иваныч Чапаев в военную академию имени Фрунзе поступать. Да... Возвращается мрачный, разговаривать ни с кем не хочет. А Петьяка всё пристает к нему: «Ну как, Василий Иваныч, сдал или не сдал?» Да... А Василий Иваныч только вздыхает и отворачивается. Наконец, не выдерживает и тоскливым таким голосом говорит: «Мочу, Петьяка, сдал. Кал тоже сдал. А математику... математику... не сдал...»

— Га-га-га! — гогочут больничные рожи, трясутся на своих койках, долго не могут успокоиться. А отсмеявшись, переходят к другим анекдотам.

В палате пятнадцать человек — у каждого свой характер, своя болезнь. Есть здесь два или три эпилептика, остальные шизики, алкаши, кретины и еще всякая всячина — какие-то путешественники, правдолюбцы, подследственные...

Мертвый час закончился, из коридора уже доносится молодецкое пение Волгина-Стилина-Сырова:

Ах ты, сорока-белобока,
 Ты научи меня лета-а-ать!..
 Ах, не высоко, не далеко...
 А только к милой на кровать!..

Ходит он по коридору, обнявшись с каким-то парнем, и своим пением прельщает сестер. Попоет-попоет, а потом подойдет к какой-нибудь и будто невзначай проведет ей рукой по бедру. А те уж привыкли к нему, лениво отмахиваются.

— К-х-х!.. — разрывается у меня над ухом; но я уже не пугаюсь. Это пробегает тот самый, с дегенеративным лицом, неряшливый... Вот он идет почти спокойно, а вот надувается, напрягается весь, лицо его краснеет и — к-к-х-х!.. — разражается он могучим звуком, снимающим напряжение. А через несколько минут — опять всё сначала. И так он ходит, почти бегает по коридору, трубя по получасу, а то и больше, по несколько раз в день. А иногда он на бегу поднимает руку, как оратор, и изо рта его выскакивают обрывки фраз: «не имеют прав!», «товарищи!..», «время истекает...»

Молча ходит по коридору с выразительным, очень одухотворенным, но каким-то остановившимся лицом высокий черноволосый юноша, сын какого-то генерала. Тонкие длинные пальцы музыканта. Иногда он действительно открывает крышку пианино и делает несколько тактов... Он онанист.

А вот лежит один на кровати и время от времени ревет. Руки его связаны, на лице проступил пот, он в бреду.

А вот другая кровать. Человек сидит и разматывает спутавшийся клубок ниток. Нам эти нитки увидеть нельзя — мы слишком здоровые, — но он видит их ясно, и движения рук его удивительно точны. Мы стоим вокруг него и пробуем ему подражать, — получается нестерпимая фальшь, а у него так естественно, что порою кажется, что и впрямь в его руках нитки.

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

Ах ты, сорока-белобока... Да... Хорошо бы улететь отсюда на какой-нибудь остров... необитаемый... в теплом море... хижину построить, рыбу ловить... Чтобы Алла там была и Кирилл... и все наши... Ну, не все, а кто захочет... Да... Сказка... А вот действительность — наука, врачи, КГБ, сумасшедший дом. Тоже как сказка.

— А вы священник? — около меня стоит человек со страдальческими глазами.

— Нет.

— А я думал, вы — священник... Я слышал, вы молитвы поете...

— Нет, я просто верующий.

Мы знакомимся.

— А я тоже в церковь хожу, — говорит он. — Раньше я не был верующим, а потом в меня сатана вошел.

— Сатана? Как это?..

— Во сне. Мне приснилась женщина... с короткими черными волосами... У нее были очень страшные глаза. Я как увидел ее, так весь оцепенел... А она подошла ко мне и на меня легла... и стала входить мне в глаза... Я от ужаса закричал!.. и проснулся... а когда проснулся — она уже была во мне и кричала моим голосом... Мне плохо очень было... И сейчас она меня часто мучит... Ой, Гена, как мне тяжело, если бы знали... Это ведь бес... Он говорит моим голосом, когда хочет... и знает мои мысли... и всему меня учит...

— Чему же он учит?

— Ой, Гена, я раньше этого не знал, а теперь вижу: во всех людях есть бесы. В редком-редком его нет. А они не знают этого... Думают, что сами говорят или делают что... а это бес их...

— А что же эта женщина говорит вашим голосом?

— Ой, Гена, разное... «Поживу в тебе, домовой!..» — так она в первый раз кричала... Уж я молился... Гена, как я молился, чтобы Господь избавил меня от нее!.. Целыми почти днями стоял на коленях... Всё по-преж-

нему... Меня и священник отчитывал — ничего не помогло... Значит, так мне и суждено с нею мучиться...

Как-то перед первомайскими праздниками во время обхода (обходы не каждый день) Шафран подходит ко мне:

— Ну, из КГБ насчет вас еще не звонили... Видно, они не считают ваше дело актуальным. Будем ждать дальше. А жалко мне вас... Мученик вы мученик... Сами на себя надеваете венец...

Второго мая Алла сообщает мне, что четвертого, как обещал мне Шафран, меня не отпустят. Якобы главврачу больницы им. Кащенко позвонили из КГБ и сказали меня до десятого не выпускать, — так передал ей Герман Леонидович, у которого она только что была.

Ну, что ж... Как-то она там справляется со своим дипломом? Иногда приходят знакомые и сидят с нашим Генмишонком, но этого слишком мало. Надо вылезать отсюда как можно скорее, чтобы помочь Алле. Что он там говорил, этот доброжелательный волк?.. Надо отказаться от проповеди? Ну что ж... я откажусь — эти два месяца я всё равно слишком занят. А там — поживем-увидим... С волками жить — по-волчьи выть... Иногда и так приходится. Да. У меня нет другого выхода: надо написать отчет обо всем, что со мною здесь было, а там — делайте со мной, что хотите...

Через несколько дней, числа пятого или шестого, новый обход, на этот раз во время мертвого часа. Герман Леонидович подходит к моей койке, дотрагивается до моего плеча:

— Ну, как?.. ты подумал, о чем мы говорили? На днях будет обсуждаться вопрос о том, что с тобою делать — выписывать или лечить. Лично я буду настаивать на выписке, так как считаю, что никакими лекарствами твоего образа мыслей изменить нельзя. Но, к сожалению, мое мнение не является решающим...

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

Он перешел уже со мною на «ты» — чего церемониться?.. Но, разумеется, в одностороннем порядке: мне к нему обращаться на «ты» неприлично — как-никак он заведующий отделением. Получится дерзость. Что ж... Мне не до гордости, мне вылезать отсюда надо...

— Герман Леонидович, я все эти дни много думал над тем, что вы мне сказали... и не сразу пришел к решению... Я не буду вас уверять, что по доброй воле выбрал это решение, но обстоятельства, по-видимому, таковы, что я вынужден его принять. Я чувствую, что мне придется отказаться от того, что вы называете «религиозной агитацией».

— Но ты понимаешь, что если говоришь это только для того, чтобы выйти отсюда, то очень скоро опять окажешься здесь?

— Да, я понимаю и надеюсь, что здесь больше не окажусь.

— В таком случае ты должен повторить это, и достаточно твердо, во время беседы, которая состоится на днях у заместителя главврача с тобой. Твое желание изменить свою жизнь может повлиять на решение врачебного совета...

Через день или два снова меня вызывают в кабинет Шафрана. Вхожу. За столом сам Шафран, в разных концах комнаты — два врача, работающие в четвертом отделении под его началом: Николай Павлович и Майя Мержидовна; и какая-то неизвестная мне женщина средних лет в белом халате. Я здороваюсь, мне никто не отвечает. Неизвестная женщина обращается ко мне:

— Геннадий Михайлович, как вы себе объясняете, почему вы оказались в психиатрической больнице?

— Я прежде всего хочу знать, с кем я разговариваю.

— Старший врач больницы им. Кащенко.

— Благодарю вас. Я доставлен в больницу по указанию КГБ.

Мой ответ ей не нравится:

— Кто это вам сказал, что по указанию КГБ?

— От меня этого не скрывали в психдиспансере.

Молчит. Крыть ей, конечно, нечем. Ну и дадут же там, в диспансере кому-то по шапке! Разве можно так откровенничать? Надо беречь государственную тайну. Халтурщики... Лишь бы сбыть побыстрее к нам в больницу, а мы тут расхлебывай... Спешат, халатничают, а слово-то не воробей — теперь уже не поймаешь. И в путевом листе записали про «активную религиозную деятельность», и что «социально опасен», и в приемном покое отметили про КГБ. Ну, бумажки-то можно заменить, это не проблема... А вот что из особого отдела приезжали к нему на работу и все это видели — как тут быть? Коллективная галлюцинация? Бывает и такое... Но до чего всё же грязная работа... Живем-живем, учимся, трудимся, а все даже видимость правопорядка создать не умеем. Безобразие.

Старший врач расспрашивает меня о том, как я себя чувствую сейчас и все эти годы после Ганнушкина; какие отношения в семье? на работе? с соседями? знакомыми? Придраться ко мне ни в чем нельзя — отношения со всеми хорошие, чувствую себя прекрасно. Правда, в сумасшедшем доме мне не очень нравится жить, но, я думаю, это естественная реакция здорового человека...

— Здесь не сумасшедший дом, а больница. Сумасшедшие дома раньше были: там не лечили. А мы лечим, — возражает она.

— Ну, меня-то, положим, вы здесь не лечите, а лишь держите под арестом. К тому же Герман Леонидович мне сказал, что мой образ мыслей нельзя изменить никакими лекарствами. Наука еще не дошла до этого...

Герман Леонидович ёрзает в своем кресле. Эх, Гер-

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

ман Леонидович! Вот как она, фамильярность-то с большими боком выходит... А теперь вот краснеть приходится...

Разговор явно выходит из намеченной колеи. Но и мне-то артачиться особенно нет смысла. Наоборот, надо показать, что я немножко напуган.

— Расскажите, пожалуйста, каким образом вы пришли к вере в Бога.

Я уже в который раз повторяю свою историю.

Кому приходилось бывать в сумасшедших домах или психиатрических диспансерах, те знают: врачи здесь народ дошлый, с ними ухо держи востро: чуть зазевался, разоткровенничался, они тебя — хвать! Ага! попался! — и на бумагу. Размалюют тебя так — родная мать не узнает... А что на бумаге написано, того, как известно, не вырубишь топором. Но я уже вляпался в психиатрию, и скрывать мне что-либо уже нечего. Стараюсь лишь точно и по возможности доступно для невежественных умов объяснять интересующие их вопросы. «Точно» — потому что они готовы ухватиться за любое слово, за любое предложение, если его хоть с натяжкой можно истолковать как признак болезни. Я говорю о недоступных для них вещах: о бессмысленности обезбоженной жизни, о ее трагизме; и в глазах врачей подмечаю некоторый интерес: ведь всё это можно истолковать как распад сознания (см. любой учебник психиатрии). Чтобы пояснить свою мысль, я начинаю говорить о Шекспире, Толстом, Достоевском, Пушкине, — врачи морщатся, всё это «не то, не то»... Вопросы задаются так, что в них без труда обнаруживается простодушная жажды услышать и зафиксировать «то, то самое», чего я лишен и что так стараются навязать мне мои эскулапы. У меня во время этих бесед почти физическое ощущенье того, что они напрягаются в желании втиснуть меня в какую-то понятную им самим схему, а я не влезаю в нее и не хочу влезать, потому что она не по мне сделана, и это внутренне раздражает

врачей, как всякая неполучающаяся работа. Но всё-таки какую-нибудь «легенду» они обо мне состряпают, это без всякого сомнения. Какой же иначе я — больной, а они — врачи?..

Но вот вопрос о приходе к вере мы исчерпали. Старший врач еще интересуется: проводятся ли у меня дома богослужения?

— Нет, — отвечаю я, — только обычные домашние молитвы.

...Но откуда у них такие сведения? Соседей спрашивали? Или топтуны стояли под окнами? Мы с Аллой любим петь «Отче наш», «Символ веры», «Воскресение Христово видевше», «Не имамы иныя помощи» и другие православные песнопения, поем их по слуху или без всякого случая. Может быть, их приняли за богослужение?.. Или — пластинки у нас есть: хор Юрлова исполняет старинные христианские песнопения, мессы Баха, Моцарта... Может быть, не разобрались?.. В окошко-то ведь не заглянешь — живем на третьем этаже, а слышно подозрительное что-то. А теперь, стало быть, уточняют.

Как там писал Ильф в записных своих книжках? Тяжело, дескать, жить в kraю непуганных идиотов?.. Эх, милый! А идиотам-то с нами легко ли?..

Неожиданно в отделении появился проповедник. То есть он и раньше был здесь, но всё молчал, не выделялся из массы больных; а тут вдруг заговорил.

— Вы верите в Бога? — спросил его кто-то, — верите во Христа?

— А Христос это кто? Мужчина? Мужчина! Стало быть, бог! А всякая женщина — богиня! Они думают, что вы дрянь, — ружья суют вам в руки, пулеметы, пушки!.. Самолеты придумали, ракеты, атомные бомбы — идите, стреляйте, убивайте своих братьев, убивайте богов! А я им говорю: не позволю! Я запрещаю вам! Парад я уже отменил... К чему это? «За мир, за мир,

разоружайтесь!..» — а сами на площадь ракеты, танки, пулеметы... Опять воевать? Не позволю! Скрутить, изнасиловать, ограбить... О! этим к коммунизму не придешь! Нет, не придешь!.. А надо — что? Всё это уничтожить — раз! Пушки, самолеты — в переплавку, армии распустить... Пусть американцы, французы приходят к нам — это братья! Зачем воевать? Что они — дурнее нас? А они меня хотят убить! А я бессмертен!.. Меня уже убивали! Тысячу раз!.. А я снова воскрес! Я — старше Маркса!.. Нас — много! Мы — победим! Мы понаделаем автомобилей из ваших «катюш»!.. Каждому — автомобиль! Каждому — самолет! Вот это будет коммунизм!.. А то — пушки, ракеты!..

— Сначала империалистов уничтожить надо... а затем уж наступит коммунизм, — поправляет его кто-то.

— Вы слышали? Вы слышали, что он сказал? — возмущается пацифист. — Вот так и Гитлер кричал! Сначала весь мир завоюем, а уж потом сделаем всех счастливыми!..

— Да! — не сдается тот. — Только так! Локальными войнами!.. Лишь уничтожив империализм... можно уничтожить войны! Так написано...

— Слышали!

— Лапоть!

— Вколоть ему четыре кубика!

Большинство сумасшедших явно на стороне пацифиста. А тот, грозно вращая очами, торжествует над опозоренным врагом:

— Вот из таких холопов они и составляют себе армии! Сумасшедшие!.. Весь мир залили кровью!..

— Правильно говорите! Точно! Все войны... из-за евреев! У-у, жидовская морда!.. Русские должны быть братьями! — поддерживает пацифиста один деревенский парень — Сережка, добрейший человек, верующий, страдающий галлюцинациями.

— Причем здесь евреи?.. — Пацифист слегка опешил. Потом, приядя в себя, заговорил снова:

— Нет, Сережа, ты не прав... Евреи тоже наши братья... Если б ты знал, как они страдали в Ессентуках!

Сережа мнется некоторое время, он смущен и не знает, что делать: думал ведь сказать как лучше... Но потом все же сдается:

— Ну, простите меня, — говорит он своему учителю, благоговея перед ним ужасно.

Постепенно собрание тает, разговор утихает, сильнее слышны удары костяшек домино.

Вечером в палате разговор:

— Она мне так и говорит: «Ты, говорит, Володя, если я старая для тебя, гуляй с кем хочешь, но только так, чтобы я об этом не знала...»

— Га-га-га!..

— Умная баба!..

— А мне что? — продолжает рассказчик, — она меня кормит, поит, бельишко мое постирает... А то бы я стал с нею жить! Раз в неделю выхожу ее хорошенько — ей и хватает. Ведь ей уж за сорок, климакс вот-вот... А молодую-то я всегда найду себе. Да не какуюнибудь... свеженькую! Чтоб всё при ней было!

— А на сколько же она тебя старше?

— На тринадцать. Мне двадцать восемь, а ей сорок один. А так, ты думаешь, она бы стерпела? Чёрта с два! Просто на нее, старую ведьму, никто уже не полезет.

— Ну да, не полезет... — сомневается кто-то.

— Вот ты полезешь, скажи честно?

— Я-то?.. а чего ж? полезу...

— Га-га-га!..

Маленький мужичишка, попавший в сумасшедший дом по пьянке, почти танцует около окошка, всё время выглядывая в него, — не идет ли жена? Сумасшедший дом осточертел ему до невозможности, его уже выписывают, а жена всё не идет и не идет... Иногда он

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

не выдерживает и дрожащим, чуть не плачущим голосом разражается на всю палату:

— А моя-то блядь всё не идет и не идет!..

— А ты, Миша, не волнуйся, — утешают его товарищи. — У тебя друг-то, небось, есть?

— Есть, — отвечает простодушно Миша, — Колька Просвирин.

— Ну, вот. Значит, она с этим Колькой и занимается...

— Наверно, — соглашается дрожащим голосом Миша.

— Да она и отправила его сюда, чтобы дома не мешался, — подхватывает еще кто-то. — Ясное дело, а то зачем же?..

В травлю включаются всё новые шутники.

— Так она и не придет за тобой, Миша, ты напрасно расстраиваешься. Она еще недельку, а то и месяц погуляет с ним, надо думать...

— Конечно, — поддерживают другие. — Что она — дура?

— Так они в две смены работают, — начинает возражать Миша. — И так, если захотят, найдут время...

— Нет, Миша, ты не прав. Так им гораздо спокойнее. Ведь они же знают — отсюда убежать нельзя. А что за удовольствие — в спешке да в тревоге?..

— Это верно, — соглашается Миша, почти плача.

— А ты, друг, не переживай. Чёб с нее — убудет, что ли?.. К тому же и совесть надо иметь — другу твоему тоже, небось, хочется...

— Да! Друзья! — кричит Миша. — Как водку пить, так друзья?! А водка кончилась, пошел к ...? — Миша на всю палату ругается.

Через некоторое время приходит жена, и он исчезает из сумасшедшего дома.

В субботу десятого мая — разговор с заместителем

ницей главного врача больницы им. Кащенко Масляевой, в присутствии Шафрана. Я вхожу в кабинет, усаживаюсь на предложенный мне стул.

— Скажите, Геннадий Михайлович, что это вы бороду отпустили? Для этого была какая-нибудь причина или не было никакой?

— Да просто мне так нравится.

— Скажите, пожалуйста! Вы что же — стиляга?

— Разве я похож на стилягу?

— Вот и я думаю: на стилягу вы вроде бы не похожи, а бороду отпустили.

— Это для красоты. Моеи жене так больше нравится.

— Кому же все-таки нравится: жене или вам?

— И мне и жене тоже.

— Что же, когда вы поженились, у вас уже была борода?

— Нет, тогда еще не было.

— Значит, жена полюбила вас без бороды? Но тогда совсем непонятно... Если вы нравились ей без бороды, то зачем же отпускать было бороду?

— Чтобы еще больше нравиться.

Пауза.

— Геннадий Михайлович, вы ведь не в первый раз в психиатрической больнице?

— Я был в Ганнушкина в 1962 году.

— И с тех пор больше не были?

— Нет.

— А каким образом вы попали туда?

Я кратко объясняю обстоятельства.

— Ведь вы уже были верующим тогда?

— Да.

— Но почему же вы обманули врачей? Разве у вас нет заповеди «не лгать»?

— Есть, конечно. Но в то время я был еще язычником почти во всем, и вера только проклонулась во мне, но еще не изменила моего образа жизни. Я имен-

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

но затем и лег в больницу, чтобы подумать на досуге о согласовании моей жизни с верой.

— И все-таки это возмутительно!.. Неужели вам не стыдно?

— Конечно, мне стыдно. Но все-таки я думаю, что если бы этот грех был самым большим грехом в моей жизни, то я был бы святым.

— Вот мы, атеисты, почему-то не обманываем никого, а у вас, верующих, это сплошь и рядом.

— Я позволю себе не согласиться с вами. Я не буду далеко забегать назад, а коснусь лишь вот этой истории с помещением меня в сумасшедший дом. В первый раз меня обманули, когда сказали, что никто меня не собирается класть в сумасшедший дом, что мне нужно всего лишь в течение десяти минут поговорить с врачами.

— Но ведь это же не врачи вам сказали.

— Это сказали атеисты. А затем меня стали обманывать и врачи. Сначала они сказали, что кладут меня всего лишь на несколько дней; затем Герман Леонидович уверил меня, что четвертого мая я обязательно буду дома, затем он перенес эту дату на десятое, то есть на сегодня. И я не знаю, сколько раз вы будете обманывать меня еще.

— Значит, по-вашему выходит, что мы — квиты?

— смеется Герман Леонидович.

— Нет, мне кажется, что пальма первенства по обману в ваших руках.

— Гм, гм...

После некоторого молчания:

— Геннадий Михайлович, вот вы сказали нам, что у вас есть грехи и потяжелее обмана. Значит, вы — грешник?

— Разумеется.

— Но ведь религия, как я понимаю, учит стремиться к святости?

— Да.

- И вы тоже стремитесь?
- Да, по мере сил.
- И вас кто-нибудь уже считает святым?
- Никто не считает, да и не за что.
- Но могут в будущем считать?
- Не думаю.
- Но почему же?.. Ведь вы человек, как я понимаю, глубокой религиозной веры, пользуетесь уже сейчас некоторым авторитетом, стремитесь к святости, — почему же вы не можете стать святым?
- Таких, как я, тысячи, если не миллионы, а святых — единицы.
- Ну а почему бы вам не стать этой единицей?
- Рад бы в рай, да грехи непускают.
- Не нравятся, нет, не нравятся мои ответы врачихе,
- я это вижу по ее лицу. «Как же поймать этого шизофреника?..» Наконец, она спрашивает с хитрым лицом:
- Ведь у святых бывают видения, им является этот... как его?.. Христос?..
- Да, бывают, но очень редко. Гораздо чаще у людей бывают галлюцинации, то есть не подлинные видения. У меня же не бывает ни видений, ни галлюцинаций, — в этом отношении я совершенно бездарен.
- Вы, что же, считаете себя неполноценным?
- Нет, почему же. Просто я такой же, как и все, как подавляющее большинство.
- Нет, Геннадий Михайлович, если бы вы были таким, как все, мы бы вас здесь не держали. Вы вот сколько уже дней находитесь здесь?.. Разве вы видели здесь хоть одного нормального человека? Вот видите. Ну, ладно... Расскажите теперь, пожалуйста, о вашем, как вы называете, «обращении к Богу»...
- После краткого моего рассказа:
- Видите ли, Геннадий Михайлович... всё, что вы нам рассказали сейчас, подтверждает нашу мысль о том, что в основе вашего «обращения» лежит болезнь. Вы сами этого, конечно, понять не можете, но уж по-

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

верьте нам, специалистам. Если бы вы воспитывались в религиозной семье или жили где-нибудь там, на Западе, — ну, тогда еще можно было бы как-то понять вашу религиозность. Но вы ведь воспитывались в советской школе, в неверующей семье... Вы — человек образованный, я допускаю даже, что в философии и религии вы разбираетесь лучше меня. И вдруг — на тебе! Религия!.. Это ни в какие ворота не лезет... и заставляет думать, что еще в юности в вас развились какие-то ненормальные процессы, которые впоследствии привели вас к религии...

Я возражаю:

— В последнем номере «Литературной газеты» напечатано интервью митрополита Никодима — не читали?..

— Нет, а что?

— Вот этот самый Никодим воспитывался тоже в советской школе, в атеистической семье, даже, кажется, в семье какого-то крупного партийного или советского работника... Учился в институте, изучал диамат... и вдруг — на тебе! — объявляет о своей вере в Бога, бросает со скандалом институт и поступает в духовное учебное заведение. А теперь — второе лицо после патриарха... Так вы думаете, он — тоже шизофреник?..

— Вы про себя говорите, — нас митрополит Никодим в настоящее время не интересует. Вот скажите, каким это образом вы совмещаете свою религиозную веру с жизнью в советском обществе. Ведь это, так сказать, прямо противоположные вещи.

— Как совмещают?.. Очень просто. По конституции у нас допускается свобода совести...

— О да, да, конечно...

— Ну так вот: я и пользуюсь этой свободой.

— Да нет, я не о том...

— В таком случае я не понимаю вас. Объясните мне ваш вопрос получше.

— Ну как же!.. Ведь всё наше общество построено

на марксизме, а марксизм и религия взаимно исключают друг друга. И вот я спрашиваю: как же вы живете в нашем государстве, которое исключает религию?

— Вы, как мне кажется, путаете разные вещи: государство и идеологию. Марксизм действительно отрицает религиозные истины, но государство, даже и построенное на принципах марксизма, допускает свободу совести для своих граждан.

— Да нет, я не о том... Вот как же вы живете в обществе, совершенно враждебном религии? Как вам удается совмещать свою собственную жизнь, построенную на религиозных принципах, с принципами общества, диаметрально противоположными всякой религии?

— Да примерно так же, как и всем остальным верующим в Советском Союзе... Если вас очень интересует этот вопрос, обратитесь в Московскую патриархию, — они там более компетентно ответят.

— Нас не интересует Московская патриархия. Мы хотим знать, как именно вы совмещаете свою жизнь с принципами общества.

— Да очень просто: работаю, получаю деньги; прихожу с работы, бегу в магазин, покупаю там хлеб, молоко, масло... никто меня там о религии не спрашивает. Затем отдухаю, занимаюсь воспитанием сына. Ну, на трамвае езжу, в метро... опять меня никто о религии не спрашивает... А если бы и спросили — почему не ответить? Чего мне бояться? Религия у нас пока еще не запрещена. Так что никакого особенного конфликта с обществом я не ощущаю.

— Ну как же так? Все советские люди верят в марксизм. Ведь марксизм — это научная философия... Вы согласны?

— Я не считаю марксизм наукой.

— Как так?.. Марксизм — не научная теория?.. Вот это новость!

— Согласитесь сами, что если бы я считал марксизм научной истиной, то я не был бы христианином.

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

— Но ведь вы все-таки признаете за марксизмом какое-то значение?

— О, разумеется.

— Так что же такое, по-вашему, марксизм?

— Одна из многочисленных утопий.

— Вот это да!.. Да вас за такие мысли...

— Но согласитесь: если я не могу считать марксизм научной истиной, то не остается ничего другого, как признать его утопией.

— Гм, гм... Вот всегда у вас так: по внешности вы очень логичны, а по существу ведь это бред. В основе всей вашей логики лежит болезнь.

— Я могу лишь повторить вам, что считаю себя психически вполне здоровым.

— Вы не можете отнести критически к своему состоянию.

— Но здоровым меня считают жена, мать, знакомые.

— Они не специалисты. Болезнь может определить только врачи.

— Но болезнь ведь должна в чем-то проявляться.

— Она и проявляется у вас в одностороннем увлечении религией. Вы оторвались от жизни. Ведь как себя ведут здоровые верующие? Забежала какая-нибудь тетка в церковь, перекрестилась и — дальше по своим делам, а о Боге уж и забыла. Такие у нас еще есть, но со временем их становится всё меньше. А у вас ведь совсем другое. Вот это нас и беспокоит.

— Согласно церковному учению вера действительно должна стоять во главе всего и определять всю жизнь человека. Так что плохие, стало быть, верующие те тетки, о которых вы говорите.

— А вы, значит, хороший?

— Во всяком случае, я стараюсь им быть.

Пауза.

— Так как? Могут вас признать святым окружающие вас люди?

Глупость этой бабы мне уж порядком надоела. Но — спокойно, спокойно... Я отвечаю вежливо:

— Не знаю... Может быть, какой дурак и найдется... Но только среди моих знакомых, по-моему, нет дураков.

После некоторого молчания:

— Скажите, Геннадий Михайлович, а у вас ведь много знакомых?

— Да, порядочно.

— И что же — все верующие?

— Нет, почему же. Есть и верующие, есть и неверующие.

— И вы, что же, — собираетесь, значит?

— Да, приходят ко мне в гости, бываю и я в гостях.

— И устраиваете собрания?

— Просто сидим за чаем и болтаем обо всем, как это бывает, вероятно, и у вас.

— Ну, ко мне-то если и забежит кто раз в месяц, — и то хорошо... А ведь к вам-то приходят часто... И о чем же вы говорите — о Боге?

— И о Боге тоже.

— Вот вы сказали, что у вас и неверующие бывают... Но ведь их, вероятно, все-таки меньше, чем верующих?

— Да, меньше... Хотя мы и не признаем разделения по религиозному принципу, но все-таки получается так, что верующие оказываются в большинстве.

— И вы неверующих, вероятно, стараетесь привлечь к вере?

— Да, конечно.

— Спорите с ними? Ведь в спорах, как утверждает марксизм, рождается истина. Вы согласны с этим?

— Как вам сказать... Истина в спорах рождается очень редко, гораздо чаще она закрывается страстями и ожесточением. Поэтому мы не возлагаем особых надежд на победы в спорах.

— А как же вы проповедуете?

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

— Да вот перекрещусь перед иконой — это гораздо убедительнее для тех, кто ищет веры... А тех, кто не ищет, — все равно ничем не убедишь.

— И вы устраиваете дома богослужения?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, молитесь все вместе.

— Да. Перед едой по православному закону нужно помолиться. А также утром и перед сном.

— Перед едой крестятся, а не молятся.

— Я вижу, вы православие знаете лучше меня.

— Не лучше. Но что крестятся, а не молятся, — знаю точно. Ведь это баптисты устраивают собрания и богослужения в домах... Поэтому у нас и возникают сомнения. Вы утверждаете, что вы — православный, а ваш образ жизни говорит о другом.

— А вы справьтесь в Московской патриархии: православный ли это обычай, принимая гостей, помолиться перед едою? Или пригласите какого-нибудь эксперта по православию... А то сами не знаете ничего и гадаете на кофейной гуще: православный он?.. или баптист?..

— Ну, ладно. Мы в этом еще разберемся. А теперь ответьте мне все-таки на вопрос: как удается вам примирять совершенно непримиримое — религиозную веру с атеистическим обществом, в котором вам приходится жить?

— Я вам ответил уже, что никакого конфликта с обществом я не ощущаю.

— Как же так?.. Все советские люди — марксисты, все признают лишь научную философию, а вы верите в Бога, находитесь в разладе с обществом...

— Позвольте вам возразить. Я не первый день живу на белом свете и знаю, что подавляющему большинству людей нет никакого дела ни до марксизма, ни до какой-либо другой идеологии. Они живут чисто эмпирической жизнью. А из людей, интересующихся философией, тоже далеко не все принимают марксизм. Смею даже думать, что таких — непринимающих —

большинство. И лишь в силу того, что марксизм является официальной доктриной нашего государства, создается видимость всеобщего признания этой идеологии.

— Ну-ну-ну!.. Вы так не знаете до чего можете договориться!.. Во-первых, если большинство наших людей и не знает, может быть, достаточно хорошо марксистской философии, но зато они по крайней мере верят в нее! А отрицать... Отрицать могут только наши потенциальные враги... И нечего их считать за советских людей — это разложившиеся люди, с которыми надо бороться. Вот и религия... Она может быть сравнительно безобидной, если идет на убыль, если умирает... А если она переходит в наступление, если она вербует все новых и новых членов, это уже социально-опасное явление... Ведь мы строим коммунизм, воспитываем людей все более сознательными... а вы разлагаете их!

— А вы знаете мнение европейских коммунистов на этот счет? Они считают, что напрасно в Советском Союзе ведется борьба против религии, потому что религия будет существовать и при коммунизме.

— Религия — при коммунизме?.. Ха-ха-ха!.. Я что-то об этом нигде не читала! Откуда у вас такие сведения?

— Если вы сомневаетесь, наведите справки. В частности, такова официальная позиция итальянской коммунистической партии.

— Любопытно... Но вернемся, однако, к делу. Вследствие своей болезни, Геннадий Михайлович, которая началась у вас еще в юношеском возрасте, вы стали опасным для общества человеком. И вас надо немножко полечить... в интересах общества... а также и в ваших собственных, разумеется, интересах...

— Вы хотите сказать, что намерены принудительно лечить меня?

— Ну почему же обязательно принудительно?.. Я думаю, вы сами сознательно отнесетесь к этому...

1:24

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

— Нет, я согласия на «лечение» не даю.

— Видите ли, вы не можете критически относиться к своей болезни, поэтому ваше мнение не имеет решающего значения.

— Но против «лечения» будут протестовать моя жена и моя мать.

— А они в медицине тоже не разбираются, и мы не нуждаемся в их согласии.

— Но по закону принудительное лечение допускается лишь по решению суда.

— Это особые есть больницы для таких случаев. А у нас больница простая, и решение суда здесь не требуется.

— Что ж... сила на вашей стороне... Но я заявляю, что буду протестовать против подобных опытов самым решительным образом!

— Каких таких «опытов»? Мы опытов не проводим, мы будем лечить вас.

— Нет, вы проводите опыт... опыт запугивания и травли инакомыслящих!

После некоторого молчания:

— Так каким же образом вы намерены протестовать?

— Я буду протестовать всеми доступными мне средствами. А для начала я объявляю вам, что если сегодня или завтра вы не освободите меня...

— О! Вы нам ультиматумов не ставьте!

— Нет, вы выслушаете меня... Если вы не освободите меня сегодня или завтра, то в понедельник с утра я объявляю голодовку. И можете быть уверены, что слово мое — твердо.

— И что вам эта голодовка даст? Что вы докажете?

— Неважно! Может быть, ничего не даст. Но это все же лучше, чем покориться вам!..

— Ну, идите! идите!.. Наш разговор закончен.

Шафран отпирает мне дверь и провожает через пустой коридор в палату.

— Зачем вы так резко? — с легкой досадой выговаривает он мне.

— А что мне остается? — отвечаю я.

Шафран уходит, а я опускаюсь на диван перед столом.

Да... Вот оно как. Борьба... борьба... И угораздило меня... родиться в России... писал Пушкин. Это в те времена, а сейчас-то пожёстче. Да. А родись я во Франции... жил бы где-нибудь сейчас спокойно... проповедуя соседям своим Христа. И никто бы не трогал меня. Свободно говорить, не боясь, что за это посадят тебя в сумасшедший дом... и будут там угрожать шприцами все возможные унтер-пришибеевы в медицинских халатах... Да. Разве это не благо? Если бы выбирать между Францией и сумасшедшим домом... я бы выбрал, конечно, Францию. Но если бы Россия была в выборе... Да. Всё-таки я плоть от плоти моего народа... глупого, невозможного народа... Да... а теперь впереди борьба... жестоко всё очень. Но это — как посмотреть... В сущности ведь нет ничего страшного, пугает обычно лишь неизвестность... Неприятно, конечно... чертовски неприятно из-за Аллы и мамы... А так — что я, уколов, что ли, их побоюсь? Или смерти? Крутишься в жизни, вертишься... устаешь, раздражаяешься... иногда сибаритствуешь... а про себя ведь знаешь, всё равно знаешь: всё это шелуха... а под нею — лишь надежда на Бога...

Минут через десять возвращается Шафран и приглашает меня опять в свой кабинет. Живодерки уже нет.

— Ну, ты мне чуть не испортил всю обедню, — говорит он. — Когда ты про голодовку сказал, ей будто шлея под хвост попала. Но всё-таки ты хватил через край... Достаточно было просто сказать, что ты отказываешься от лечения, — и тебя бы отпустили одиннадцатого числа. А теперь одиннадцатого нельзя — ты подумаешь, что мы твоей голодовки испугались... Так что

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

должен тебя огорчить: выпишут тебя лишь тринадцатого. Несчастливое досталось тебе число...

— Это пусть атеисты суевериями занимаются. А мы, православные, в это не верим.

Шафран смеется. Потом, чтобы рассеять мои сомнения, доверительно заключает:

— Ну, на этот раз — уже окончательно. Вот я даю (он что-то черкнул в какой-то толстой тетради) распоряжение приготовить тебе вещи...

Повеселев, я возвращаюсь в палату. Уже прибыло несколько новеньких. Вот один из них, лежа на койке, кричит мне:

— Эй, борода!

— Ну?

— Скажи что-нибудь!

— Не могу.

— Почему?

— Я дурак.

Другой привстает на койке:

— Эй, борода!.. а ты мне нравишься...

— Ты мне тоже.

— Давай познакомимся?

Мы протягиваем руки, называем себя.

— А ты, наверно, к искусству имеешь отношение?

— спрашивает он меня. — Музыкант?

— Не угадал.

— Писатель?

— Ну, куда мне!.. А ты кто — писатель?

— Какой я писатель... Лишь одно письмо написал...

Косыгину... Отослал в «Правду» — не напечатали. Почему?

— Не могут же они все письма печатать. А то бы и каждый начал писать. К тому же у них линия своя: что ей соответствует, они печатают... а остальное — нет.

— Вот то-то и оно. А почему? Если я написал правду?..

Пауза.

— Тебя, что же, за это и посадили? — спрашиваю.
 — Не, я концерт давал.
 — Какой концерт?
 — А на улице, в автобусах, в метро... песни пел. Москвичей веселил. Люблю песни!..

Вечером меня останавливает в коридоре пожилой санитар, он слегка «поддамши»:

— Ну, когда тебя выписывают?
 — Тринадцатого.
 — Ну и хорошо, и хорошо... А я в кабинет заходил, когда ты с заведующим разговаривал. Вот, думаю, разговаривают... как ученье... Я тебя сразу приметил, когда привезли только... Очки-то с тебя кто снимал? Не помнишь?.. Это я в тот вечер дежурил... Вот уж, думаю, не похож на наших — вежливый такой, образованный... Почему, думаю, он сюда попал? Не иначе, как по пьянке...

— Да нет, меня КГБ сюда направил.
 — Кто-кто?
 — КГБ.
 — Ну да... известное дело... Ведь у тебя жена-то есть?..
 — Есть.
 — Ну вот... Она-то на тебя и заявила... Ведь я же знаю.
 — ?!

— А ты не пей, не пей, милый, остыпенись, человеком станешь. Водка никого еще до хорошего не доводила... Ну, если в меру, да к слушаю... Кто не пьет?.. А так нельзя. Нет, ты уж поверь мне, нельзя...

Его кто-то зовет, и он отходит от меня.

Одннадцатого, в воскресенье, — свиданье. Приходят мама и Алла, их по очереди пропускают ко мне.

Обе, конечно, взвинчены, но стараются держать себя в руках, чтобы меня не расстраивать. Мама — так

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

совсем больная. Первым делом спешу их обрадовать:

— Ну, тринадцатого меня выпускают, — это уже окончательно!..

Мама мне верит охотно, но Алла настроена слишком скептически:

— Кто знает — отпустят или нет?.. Им верить нельзя. В прошлый раз твой Шафран меня тоже уверял, что четвертого выпустят... и в тетрадке той тоже при мне что-то чертил, — дескать, даю указание приготовить вещи... Приготовили! Душу они выматывают — вот что!.. Так что уж лучше, пожалуй, приготовиться ко всему...

Меня ее маловерие раздражает — как так не выпустят? Решено окончательно! Мне так хочется верить в тринадцатое число... Я надеваюсь на Аллу, что-то резкое говорю ей, хотя в глубине сознаю, что она, конечно, права. Да... сумасшедший дом может сделать, пожалуй, кого угодно ребенком...

Вот проходит двенадцатое число. Утром тринадцатого меня вызывает к себе Шафран. Я вхожу:

— Ну, Герман Леонидович, чем вы меня еще обрадуете?

— Садись, сейчас всё расскажу. Видишь ли, я настаиваю на твоей выписке отсюда. Заместительница главного врача (главврач в командировке) вроде бы поддерживает меня в этом, но старший врач (помнишь эту женщину, что беседовала с тобой?) настаивает на лечении, и с ее мнением мы вынуждены считаться. Окончательное решение будет принято сегодня до половины второго, и я немедленно тебя о нем извещу.

— Герман Леонидович, действительно ли врачи могут принудительно «лечить» меня без суда, даже если против этого будут протестовать мои родственники?

— Да, этим правом врачи обладают. Но, видишь ли, по этическим соображениям нецелесообразно лечить человека, если заранее известно, что лечение ничего не даст. Какой же смысл проводить его, если тем более

ты будешь сопротивляться? Придется тебя скручивать, делая уколы... скручивать, кормя через зонд... Если бы я сам верил в то, что тебя можно вылечить применяемыми у нас лекарствами, — я бы первый настаивал на подобном лечении. Но так как от меня зависит, к сожалению, не всё, то будем дожидаться решения заместителя главного врача. Впрочем, я думаю, что больше шансов на то, что тебя выпишут как не поддающегося лечению. А там — кто знает?..

— А в случае, если примут решение о «лечении», то чем меня будут шпиговать?

Шафран называет какое-то лекарство, которое я не запомнил, и спрашивает:

— Ты с химией не знаком?

— Нет, к сожалению.

— Это — состав из биологических веществ... в ампулах... Уколы не очень болезненные, — аминазин гораздо тяжелее. Снимает напряженность, успокаивает, рассасывает незапущенные бредобобразования, — если им нет еще шести месяцев. Как видишь, тебе этим лекарством помочь нельзя, ведь у тебя всё началось с шестьдесят второго года, если не раньше... К тому же у этого лекарства есть одно неприятное свойство: медицинский эффект достигается заодно с некоторыми побочными явлениями... дрожанье и дерганье рук, слюна изо рта... Обычно эти явления устраниются дополнительным приемом таблеток, но так как ты, по всей вероятности, будешь отказываться от них, то придется через каких-нибудь три-четыре сеанса, при появлении этих признаков, лечение прекращать...

После некоторого молчания:

— Была здесь твоя жена... Она не умная... не умно поступила — решила подать в суд. Это ведь ни к чему не приведет... И врачебный персонал нашей больницы относится к ней — буду с тобой откровенен — с неприязнью и недоверием... и будет стараться не итти на контакты с нею, потому что она находится под твоим пол-

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

ным идеологическим влиянием. Она так же, как и ты, некритически относится к твоей болезни... Понимаешь меня?..

— Я вас понимаю.

— Поэтому было бы лучше, если бы не она, а твоя мать (это она приходила в прошлый раз на свиданье?) приняла на себя роль представителя твоих интересов. Она и в 1962 году проявила в какой-то степени понимание твоей болезни... а это позволит врачам обращаться к ней более доверительно...

— Моя мать всегда считала меня здоровым, и она в любое время может подтвердить это. Она тоже возмущена поведением врачей и будет протестовать вместе с женой против любого «лечения»!

— Ты в этом уверен?

— Можете не сомневаться.

— Я могу позвонить ей и в твоем присутствии поговорить с нею?

— Пожалуйста.

Герман Леонидович набирает номер телефона моей матери, но подходит соседка, говорит, что ее нет дома.

— Ну, хорошо... Я скажу Масляевой, что твоя мать — тоже против лечения... А теперь будем дожидаться половины второго. И если Масляева не позвонит мне, то я буду звонить ей сам. Во всяком случае, я немедленно извещу тебя о принятом решении...

— Я могу только еще раз напомнить, что сегодня вечером, если я буду еще здесь, я начинаю голодовку.

— Да-да... о голодовке... Я не советую тебе ее проводить... Но уж если тебе так хочется... что ж... Только скажу тебе откровенно: очень неприятная это штука — зонд. Да... И придется переводить тебя в другое отделение...

Ни в половине второго, ни в два, ни в три, ни в половине четвертого — никакого известия о принятом решении... Что ж, я уже, кажется, привык к этой мане-

ре. Алла сказала: душу выматывают... Вот именно. Видно, решенье о том, чтобы меня не выпускать, уже принято... Сейчас, перед ужином, явятся санитары, перевезут меня в буйное, будут заламывать руки, кормить через зонд, а завтра с утра приступят к «лечению»... Да. Душу выматывать они действительно умеют... Но хуже всего, что сегодня не пришла Алла. Обещала притти и не пришла... Ведь эти гады способны на всё — могут схватить ее, отвезти в диспансер, припечатать диагноз, отправить в сумдом... Что их, совесть заест, что ли? Шизофреник муж, сумасшедшая жена, делай с ними, что хочешь... Вот благодать для КГБ! Поставить бы так на учет всё население... Ну, кроме самых надежных, конечно. И чуть что, какое отклонение — «ага! полечить надо!..»

— Шиманов! — кричит санитар, — к врачу!

В кабинете Шафран и — слава Богу! — Алла. Значит, еще не самое худшее. Алла говорит мне, что сейчас при ней Герман Леонидович записывал на диктофон историю моей болезни, и там в конце стоит уже дата выписки — пятнадцатое мая...

«Почему на диктофон? — думаю я, — что за бред? Опять морочат голову?..»

— Не верю я теперь ни в какие даты, — говорю. — Сегодня вечером начинаю голодовку.

— Они, конечно, могут опять обмануть нас, — говорит Алла, — но вот Герман Леонидович уверяет, что решение о выписке принято уже окончательно, и других изменений не будет... Пятнадцатого утром, по его словам, тебя отпустят.

— Все равно голодовку начинаю сейчас и закончу ее лишь, когда выйду на волю.

Возвращаюсь из кабинета — ужин уже начался. Подходит санитар:

— Идите ужинать.

— Я не буду.

— Почему?

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

— Объявил голодовку.
 — Да бросьте. Идите ешьте.
 — Не пойду.
 — Вы чтоб, на самом деле объявили голодовку?
 — Да.
 — А почему?
 — Меня незаконно держат в сумасшедшем доме.
 — Да бросьте. Охота вам желудок свой портить...
 — Ничего. Не испортится. Если и испортится, — врачи меня вынуждают свое здоровье портить!..

Санитар оставляет меня в покое. На следующий день ко мне никто из медперсонала уже не подходит — ни на завтрак, ни на обед, ни на ужин. Только юноша один, из больных, кротчайший и добрейший Володя Литвин, всё время просит меня отказаться от голодовки и покориться врачам:

— Ну поешьте, пожалуйста!
 — Спасибо. Я твердо решил не есть.
 — Но ведь всё равно же вас будут кормить через зонд...

— Пусть.
 — А меня здесь тоже держат ни за что... А я в знак протеста ем.
 — ?!
 — Да-да. Они говорят, чтоб я не курил, а я курю и ем. Можно так?
 — Можно, конечно... Каждый по-своему протестует.

— Ну поешьте, пожалуйста!

Остальные больные — из тех, кто слышал про мою голодовку — поглядывают на меня с любопытством: «Сколько же дней он продержится?»

А у меня слегка кружится голова, но не от голода; просто я дней уже десять как температурю, простужен. Вроде б не так уж и холодно на дворе, а вот проняло — слишком много торчал у окна, любуясь на майскую зелень.

— Странствия Одиссея читаешь? — рядом со мною стоит молчаливый обычно юноша, судя по его внешности — явно больной... Иногда он вроде бы безо всякой причины вдруг оглушительно свистит, засунув два пальца в рот, а затем, сконфузившись, с каменным лицом уходит куда-нибудь в другое место.

А я действительно читаю Гомера.

— Забавная, наверно, штука? — спрашивает он.

— Да, ничего...

— А отсюда ведь уже не выберешься...

— Из сумасшедшего дома?

— Да.

— Ну, поживем — увидим...

— Нет, не выберешься.

И вот — пятнадцатое число. После обеда пошли уже трети сутки моей голодовки, — переношу я ее легко. Но вот что трудно: отделаться от внутреннего беспокойства, от позорной тревоги за то, что со мною будет. «Выпустят или не выпустят?..» — вот чем сейчас — не на поверхности, а внутри — занята вся душа моя. И как мне ни ясно, что мое малодушие неразумно, что с высоты на нас смотрит Бог, я не могу еще полностью сосредоточиться на вечности и стать совершенно спокойным: сумасшедший дом, тревога за близких, нервы — всё это дает себя знать... Вот подходит сестра и просит помочь ей подготовиться по «обществоведению»: экзамены завтра, а она и на лекциях не была, и в книжку еще не заглядывала. Я рассказываю ей о Кампанелле, о прибавочной стоимости и ленинской теории революции, а внутри у меня между тем всё скрежется какая-то мышь: выпустят или не выпустят?.. Вот уже выпустили всех, кто был должен сегодня выписаться... Вот уже два часа дня... три часа...

Прибегает знакомый больной:

— Сейчас видел списки выписывающихся, тебя там нет!

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

— Нет так нет... У-у, гады... мучители!

Вот и четыре. Собираются все на прогулку, и я тоже надеваю пальто. В это время уже не выписывают. Вместе со всеми выхожу во двор.

— Генмих! — слышу голос Аллы. Где она? Оглядываюсь... Вон — на скамейке. У входа в наш красный дом.

— Генмих! Герман Леонидович мне сказал, что, может быть, сегодня еще успеют тебя выпустить... Он сейчас у Масляевой — понес ей какие-то о тебе бумаги...

Мне разговаривать не разрешают, уводят вместе с другими больными в загон, предназначенный для прогулок. Я хожу по загону, натыкаюсь иногда на кого-нибудь, раздраженный, усталый, обеспокоенный: выпустят или нет эти гады?.. Минут через тридцать-сорок на втором этаже открывается окно и кто-то кричит:

— Шиманова! быстро! одеваться! Через пятнадцать минут закрывается касса!

— Шиманов! Шиманов! Бегом к врачу!.. Одеваться... — кричат мне сестры, которые гуляют с нами.

А мне уж и бежать не хочется. Медленно поднимаюсь по лестнице, «к себе», на второй этаж, подгоняемый сестрой.

— Быстро бегите в кассу, — говорит мне Шафран в кабинете, — у вас там кольцо и деньги... Попспешите, через десять минут она закрывается.

Он снова, кажется, перешел со мною на «вы». По крайней мере в присутствии Аллы — она сидит здесь же.

В сопровождении сестры я иду в другой корпус, где находится касса. Получаю кольцо и деньги — и снова назад. В отделении получаю свою одежду, одеваюсь в пустом коридоре. Из «веселой» половины доносится рев: утром привезли новенького, — тот сбросил с себя всё, сидит на кровати в чем мать родила и, не переста-

ваяя, ревет... Одеваюсь, захожу в кабинет Шафрана получить бюллетень.

— Ну, я надеюсь, вы не забудете о том, о чем мы здесь говорили с вами? — обращается ко мне Герман Леонидович, протягивая бюллетень.

— Да, конечно, Герман Леонидович, эти беседы я буду помнить.

Мы выходим с Аллой с территории больницы; всюду народ, — конец рабочего дня. Припекает перед заходом солнышко, стоят очереди за квасом, торгуют мороженым. Вот они, эти коробочки, но уже наполненные холодной белой массой, по сорок восемь копеек, которые приходилось нам делать... Мне душно и неприятно в моем теплом свитере, да и к тому же держит еще напряжение последних дней. Да...

В кармане моем бумаги, записки из красного дома, которые надо еще отредактировать и опубликовать. Я писал их, спрятавшись по возможности от врачей и сестер, потому что записки эти — единственное мое оружие. В следующий раз попаду — не дадут и весточки передать на волю...

На свиданье приедет Алла, — выведут к ней при-дурковатого Генмиха, слюнявого, хихикающего... «Есть прогресс! — скажет лечащий врач, — уже в Бога не верует. Соображает, правда, еще с трудом и языком еле ворочает, но ведь и раньше у него была только внешняя логика, а по существу-то ведь бредил...»

Кто знает?.. Может быть, это и есть столь желанное и единственное на земле счастье — стать таким вот слюнявым хихикающим идиотом, вознесшимся над всяkim несчастьем, поправшим любую печаль, нашедшим последнюю мудрость в самом простом и жалком безумии... Относиться к врачу своему как к духовнику, исповедоваться перед ним в своих чувствах и мыслях и получать взамен от него чудодейственные таблетки... Разве не обольстительно это?..

Да будет воля Господня во всем!.. Сведут ли меня

ЗАПИСКИ ИЗ КРАСНОГО ДОМА

с ума, оставят ли в разуме, всё хорошо и прекрасно под небом Всевышнего. Всё принимаю, что посыпает Бог, всё принимаю, как ребенок из рук отца, — и сладость, и горечь, и разум, и безумие, и свет, и тьму, и любое злодейство, и всякую доброту.

Находясь в сумасшедшем доме, я много думал о том, что всё в нашем мире совершается по воле Господней, которая так чудесна, что сохраняет вполне человеческую свободу, но в то же самое время ведет человека и всё человечество своими таинственными путями. Этого нельзя уяснить до конца умом, но об этом догадываешься однажды и в это веришь.

Вот меня, беззащитного, посадили злодеи в сумасшедший дом, думая этим самым меня напугать, блокировать проповедь христианства... Естественно, возникает вопрос: что же они — всесильны?.. И оказывается на первый взгляд, что — да. Но... вот они не сумели меня испугать. Наоборот, опозорились еще раз перед всеми, кто прочитает вот этот отчет. Ну, посадят меня опять... Будет тот же эффект. А погубят — из меня, чего доброго, и на самом деле может получиться святой... Не по заслугам моим — у меня их нет, — а по преступлениям мучителей. И еще неизвестно, что для них будет хуже: убить меня, посадить в сумасшедший дом или оставить в покое... Где же всесилие?..

Крохотный этот пример не разъясняет безмерной тайны всего, но дает мне прозрачный намек на отношение людской свободы к Великому Промыслу. Всякое действие порождает таинственное противодействие, которое можно и не понять, которое можно и не заметить, но которое тем не менее уравновешивает и направляет ход вещей, в результате чего всё идет по таинственному и предопределенному Богом пути.

Май-июнь 1969 года

Грани—журнал, прорвавший блокаду

За истекшие 25 лет существования изд-ва «ПОСЕВ» было выпущено 79 номеров журнала «ГРАНИ».

В первых своих выпусках «ГРАНИ» сосредоточились на вопросах жизни России до второй мировой войны, на вопросах военных и послевоенных лет. Редакция поставила перед собой задачу «представлять Россию изнутри». Одновременно с этим журнал стремился познакомить и сблизить культурные силы «старой» и тогдашней «новой» эмиграции. Уделяли «ГРАНИ» внимание и новейшим течениям западной мысли и направлениям западного художественного творчества.

В № 32 (1956 г.) «ГРАНИ» опубликовали обращение «к деятелям литературы, искусства и науки порабощенной России», предлагая им посыпать в изд-во «ПОСЕВ» и в редакцию «ГРАНЕЙ» свои произведения, которые не могут быть опубликованы на родине «из-за партийной цензуры». Это обращение (с небольшими перерывами) публикуется в «ГРАНЯХ» и по сей день. Спустя полгода, в 1957 г., «ГРАНИ» первыми опубликовали полученные редакцией стихи из России: это были «стихотворения Юрия Живаго», составляющие последнюю часть романа «Доктор Живаго».

Поэзия, затем проза и, наконец, публицистика из России за-воёзывают в «ГРАНЯХ» всё большее место. Начиная с 1964 г., не вышло ни одного номера «ГРАНЕЙ», без произведений из РОССИИ.

«ГРАНИ» печатают также лучшие произведения зарубежной прозы, поэзии и публицистики.

Журнал «ГРАНИ» вначале редактировала коллегия, в состав которой входили Е. Романов, Б. Серафимов и ныне покойный писатель С. Максимов. Впоследствии главными редакторами были Е. Романов и Л. Ржевский. С 1962 г. журнал редактирует Н. Тарасова.

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

POSSEV-VERLAG
D-6230 Frankfurt/Main 80, Flurscheideweg 15

Стоимость подписки непосредственно из издательства на
4 номера (включая пересылку):

В США и Канаде — 8 ам. дол.; в Германии и во всех
других странах — 26 н. м. Цена в розничной продаже —
2.50 ам. дол., или 7.50 н. м. Подписную плату следует по-
сылать почтовым переводом или чеком в адрес изд-ва,
либо через банк — Konto 2 412 755, Dresdner Bank, Frank-
furt/Main 94; из Германии также на Konto 334 61, Post-
scheckamt Frankfurt/Main.

Объем журнала — 240 страниц.

П О С Е В

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит ежемесячно

Стоимость подписки непосредственно из издательства
на 1 год (включая пересылку):

В США и Канаде авиапочтой — 24 ам. дол., простой поч-
той — 18 ам. дол. В Германии и во всех других странах
— 40 н. м.; желающим получать журнал авиапочтой до-
бавляется стоимость авиапересылки.

Подписка принимается и на более короткие сроки.

Цена в розничной продаже — 1.75 ам. дол., или 4 н. м.

Подписную плату следует посыпать в адреса, указанные
в объявлении о журнале **Границы**.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ПОСЕВ»

ПРОЦЕСС ЦЕПНОЙ РЕАКЦИИ

Сборник документов по делу Ю. Т. Галанского, А. И. Гинзбурга, А. А. Добровольского и В. И. Лашковой. Составил Г. Е. Брудерер.

488 стр., карманный формат, обложка работы А. В. Русака.
Цена: 18.80 н. м., в США и Канаде — 6.50 ам. дол.

Е. ОЛИЦКАЯ МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Распространяется Самиздатом. Написаны членом партии эсеров.

Карманный формат, в двух томах, 320 и 247 стр.
Цена обоих томов: 25. н. м.,
в США и Канаде — 8.40 ам. дол.

Проф. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВ ФИЛОСОФСКАЯ НИЩЕТА МАРКСИЗМА

Только что вышло из печати 3-е издание.
Карманный формат, 247 стр.

Цена: 12.80 н. м., в США и Канаде — 4.25 ам. дол.

ЕВГЕНИЯ ГИНЗБУРГ КРУТОЙ МАРШРУТ

Сам автор называет свое произведение «хроникой времен культа личности» или «записками рядовой коммунистки».

436 стр., мягкий переплет,
обложка работы Л. Гл. Скуратовой.
Цена: 18.30 н. м., в США и Канаде — 6.10 ам. дол.

ВОСПОМИНАНИЯ ген. П. Н. ВРАНГЕЛЯ

В книге 648 стр. Много иллюстраций, схем и фотографий, а также два портрета генерала П. Н. Врангеля на меловой бумаге. Художественный твердый переплет.

Цена 40.— н. м. В США и Канаде 12.— ам. дол.

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

POSSEV-VERLAG

Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt/Main 80

Прошу подписать меня на ..... номеров
журнала «Границ» / Прошу высыпать мне
журнал «Границ» до моего отзыва

Фамилия .....

Адрес .....

- Прилагаю наличными
- Прилагаю чек
- Прошу выставить
счет

Стоимость подписки на 4 номера (включая пересылку):

В США и Канаде — 8.— ам. дол.

Во всех других странах 26.— нем. марок

Денежные переводы следует делать на:

Konto 2 412 755, Dresdner Bank, Frankfurt/Main

или

Konto 334 61, Postscheckamt Frankfurt/Main